

Кузбур. - 2005. -
10-16 февр. - с. 9

Хорошо, но мало

В ММДМ завершился фестиваль "Иоганнес Брамс"

Главное фестивальное событие приберегли под занавес. Им стал, бесспорно, заключительный вечер, когда в исполнении Национального филармонического оркестра России под управлением выдающегося финского дирижера Окко Каму прозвучали Вторая симфония и "двойной" концерт (солисты Владимир Спиваков и Татьяна Васильева). До сих пор НФОР играл Брамса исключительно с Томасом Зандерлингом, и нельзя сказать, чтобы очень удачно. Но вот оркестр встретился с маэстро, которому открыт доступ к сокровенным глубинам этой музыки, и они сыграли такого Брамса, какого в наших широтах услышишь нечасто.

Финские дирижеры – вообще чрезвычайно интересный феномен, заслуживающий отдельного разговора. Каким-то непостижимым образом во второй половине XX века и особенно в последние его десятилетия эта северная страна выдвинула одного за другим целый ряд первоклассных дирижеров, очень скоро обойдя здесь не только всех прочих своих скандинавских соседей вместе взятых, но и ряд крупных европейских стран с давними музыкальными традициями. Ульф Сёдерблум, Пааво Берглунд, Осмо Вянься, Лейф Сегерстам, Окко Каму, Эса-Пекка Салонен, Юкка-Пекка Сарасте – эти и некоторые другие имена почитаемы во всем музыкальном мире. У нас, правда, они

куда лучше известны в Северной столице (откуда в два раза ближе до финской столицы, нежели до российской). По крайней мере, Каму стал для Москвы настоящим открытием.

Первое отделение, впрочем, несколько расхолаживало. В "двойном" концерте маэстро тактично ушел на второй план, предоставив главное слово солистам, что, в общем, и логично, особенно когда один из них – Владимир Спиваков. Его партнером должен был стать знойный итальянец Марио Брунелло, но перед началом фестиваля того заменили на Татьяну Васильеву, которую именуют сегодня не иначе как "самой титулованной виолончелисткой Европы". Наверняка она вполне заслуживает всех своих титулов, однако романтическая музыка и, в частности, Брамс удается ей, похоже, куда менее, нежели Шостакович, которого она играла в этом же зале и с тем же оркестром в октябре. Игре Васильевой несколько не хватало певучести, а подчас и чувственной истомы, чего как раз в избытке было у Спивакова. Особенно это бросалось в глаза в дуэте-диалоге третьей части, где страстными речам скрипки вторили холодные, словно бы безжизненные пассажи виолончели.

Зато Вторая симфония стала подлинным откровением. Каму начал ее необычайно мягко, как лирическую поэму, не слишком нажимая

в драматических местах и, очевидно, предпочитая созерцательность пресловутой "героике". Такой Брамс скорее ассоциировался с Шубертом, а если уж с Бетховеном, то

прежде всего с его Четвертой симфонией. Вместо утрированно крупного штриха и однообразия палитры, чем злоупотреблял в Брамсе Зандерлинг, – изысканная, ажурная

В.Спиваков, Т.Васильева и О.Каму звуковая ткань, но при этом совсем не холодная. В отличие, например, от интерпретации этой симфонии, представленной около двух лет назад Пааво Берглундом с РНО, у Ка-

му это вовсе не был "скандинавский" Брамс, приближенный по эмоциональной амплитуде к Сибелиусу. Маэстро не столько прятал эмоции, сколько сдерживал, и, когда в финале они наконец получили свободу, впечатление оказалось тем более сильным.

Таким образом, фестиваль завершился на очень высокой ноте. Но все же вопросы остались. Почему при столь небольшом количестве концертов нужно было так растягивать его во времени, делая паузы по несколько дней? Международные фестивали по такому принципу не делаются: публика не поедет. И еще одно – пожалуй, главное. У Брамса не так уж много произведений крупной формы, чтобы нельзя было все их представить в рамках посвященного ему фестиваля. Почему надо было ограничиться только двумя симфониями из четырех, одним фортепианным концертом из двух и совсем проигнорировать скрипичный? Программам фестиваля вообще ощущению не хватало логики. И хотелось бы, чтобы к следующему монографическому фестивалю, бетховенскому, Дом музыки подготовился основательнее, заранее продумав концепцию, чтобы это опять не оказался более-менее случайный подбор.

Дмитрий МОРОЗОВ
Фото Эдуарда ЛЕВИНА